

Олег МIRONENKO

КУПОЛ

Часть I. ЗАЛОЖНИКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Мироненко

Купол. Часть I. Заложники

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мироненко О.

Купол. Часть I. Заложники / О. Мироненко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В результате ряда катастроф планетарного масштаба Земля потеряла значительную своей материковой поверхности. Самую большую территорию, выстояв в трёх глобальных войнах, сохранила Россия. Но через какие-то пятьдесят лет планету снова ожидал демографический кризис, а значит, и новые войны, грозившие нынешней цивилизации. И тут как нельзя вовремя подоспел подарок из космоса, позволяющий осуществить давнюю мечту человечества – переселение на другие планеты, за пределы Солнечной системы. Люди устремились в дальний космос. Но за всё надо платить...Содержит нецензурную брань.

© Мироненко О., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1

– ...Ну, поехали! За нас! Натали, Эд, Белла, Макс, Рита!

Алекс ткнулся пластиковым стаканчиком в подставленную пластиковую же посуду сотрапезников, пригубил напиток. Просто назвать это пойло дрянью означало сделать тому почти что комплимент; но зато – своё, своё! а??

Пожевали зелень. Тьфу – безвкусно. Надкусили по яблоку – а, кислятина взмыленная. Тем не менее все улыбались, угощались дальше: вот вам лепёшки с гнильцой (и это через пять минут, как вытащили из печи), вот, пожалуйста, желеобразная дурнопахнущая масса, варенье, стало быть, на лепёшечку (да побольше, побольше мажьте, не стесняйтесь!), вот фиолетовая морковка, источающая уксусный аромат, ещё на закусочку. Не хотите? Тогда как насчёт оранжевого мяса, которое нужно жевать, жевать и жевать, чтобы... Чтобы снова жевать, не ощущая на вкус ничего.

Как раз пытаюсь одолеть стейк, Макс и сломался.

– Хватит! – заорал он так, что звуковая волна, наверное, отразилась от Купола. – У меня желудок второй день сводит, он уже в клубок сворачивается и... – мужчина прислушался к чему-то там внутри себя, – ...и прощения просит. Давайте хоть одну упаковочку вскроем, а, злыдни?

– Вскрывай, раз очень хочется проиграть, слабак, – тонко улыбаясь, ответил страдальцу Эд.

– Ну, Масик, дорогой, – надула пухлые губки Белла, – ведь мы же договорились, что неделю питаемся тем, что сами вырастили. Ведь так, милый? – Голос Беллы звучал ровно и отстранённо, симпатичная мордашка, казавшаяся, впрочем, несколько плотоядной из-за остренького носика и скошенного маленького подбородка, сигнализировала Максу о полном непонимании происходящего. При этом ни одна морщинка на лице Беллы даже не попыталась изобразить из себя иероглиф, чтобы сообщить Максу то, о чём не следовало бы догадаться другим.

– Так, так, – внешне очень спокойно произнёс Макс, но, уже закипая от этой отчуждённости Беллы, немедленно просос изнутри побегами чертополоха и, не в силах сдерживать этот зуд, направился к холодильной установке.

Разговор за столом угас. Алекс взял ладонь Натали в свои ручки и принялся дуть на пальчики. Действительно, было жарковато, но дело, конечно, было совсем не в этом. Не полотенцем же он принялся перед ней размахивать, да и целовать пальчики вроде бы и не было никакой надобности. Но он целовал, Натали трепетала, Рита кривилась, как от зубной боли, Эд плевался яблоком, а Белла, глядя в спину Макса, удачно нацепила на лицо маску безразличия, которую если и пытались осадить время от времени лёгкие тени, то безуспешно.

Макс вернулся скоро, с заветным пакетиком в руках, обвёл взглядом присутствующих при его позоре:

– Ну что вы на меня уставились? Знаю, что корабль придёт не раньше, чем через полгода, прекрасно знаю! Но мои вкусовые рецепторы не такие бесчувственные, как у вас, в моём роду почётное место занимают гурманы с утонченными желудками, а не аллигаторы, способные переварить и крысиный яд!

Он помял пакет в руках, поставил на стол, и тот вдруг раскрылся, начал исторгать из себя некую приятно-пахучую массу, которая на глазах у присутствующих быстро сформировалась в преаппетитнейший творожный пудинг.

– Да, я слаб! – продолжал витийствовать Макс, вооружаясь ножом. – Я согласен один закрывать парники и нести вахту – проиграл так и проиграл! Но, надеюсь, вы не будете очень сильно презирать меня за содеянное, когда я приглашу вас попробовать вместе со мной этот прекрасный, хотя и синтетический продукт! Или жрите ваше варенье из медуз.

С этими словами он заграбастал здоровый кусок пудинга и попытался было засунуть его в рот, но не успел, так как в этот самый момент Эд поднёс к его губам стаканчик, полный до краёв.

– Не торопись, не торопись, гурманойд ты наш... Штрафную сначала, пожалуйста.

– Н-н-н-е-е-т! – простонал Макс. – Ещё два дежурства вне очереди, только не это! Не буду!

– Будешь, будешь... – коварно улыбался Эд. – Вот молодец, давай-давай: за твой слабенький желудок, за жиденькую волю, за разбазаренный НЗ, за... Выпил? Можешь закусывать.

– А вы что, не будете? – подозрительно спросил Макс, работая челюстями и роняя крошки изо рта. Он демонстративно зажмурил глаза. – Бесподобно!

Алекс вздохнул, потянулся к столу, взял два куса, один вручил Натали:

– С парниками я тебе, так и быть, помогу... Всё остальное сам. И не вздумай никого будить, если с голодухи чего померещиться, понял? А контейнер с НЗ мы сейчас закодируем тройным кодом, чтобы поодиночке туда больше никто не лазил. Возражения есть? Всё, при-выкаем к местным деликатесам!

– Ишь, раскомандовался, – томно произнесла Рита, подзуживая Алекса взглядом. – На этой недели вроде как не ты старший...

– Да, ладно, Ритуля, он дело говорит, – вмешался Эд. – Иначе не дотянем. С голоду, конечно не помрём, но и радоваться будет нечему. А пока... Налегай на сладкое, всё оплачено.

Широкое, несколько полноватое лицо Макса после окончания трапезы выражало уныние, если не сказать страдание, наметившийся второй подбородок всюду сочувствовал хозяину горькой складкой.

– Эх.... – складка стала ещё горше. – Бывали дни весёлые, я ничего не ел... – Он машинально сунул в рот морковку, тут же выплюнул. – Не то, что было весело, а просто не хотел.

– Что за фольклор? – осведомилась Рита.

– А, подцепил где-то... – Макс немного подумал. – У русских, кажется. Или нет?

– Ладно, мальчики. – Белла встала. – Пойду прогуляюсь. Девочки?

Натали осталась сидеть рядом с Алексом, прижавшись к его плечу, прищуром давя спины подруг. Поймала себя на мысли, что рада их уходу. «Вот ведь как – подбирали нас, подбирали, а скоро видеть их уже не смогу... Может, это из-за Алекса? Я же ведь как кошка, постоянно к нему на руки прошусь. Они и бесятся, змеюки холодные. Белла только и тренирует на Максе этот свой потусторонний взгляд, мол, в упор его не видит, уверена, она и в постели эти занимается... Смотрит сквозь него и думает об Эде. А может, и об Алексе тоже?»

Она вздрогнула, пихнула Алекса в бок, заглянула ему в глаза. Тот распахнул их океаном.

«Чёрт с ней, с этой сучкой... Когда он так смотрит, я знаю, что у него есть только я. Вот тут психологи чисто сработали».

Проект назывался «Половинка». После того, как в распоряжении землян загадочным образом оказалась технология постройки Купола, стали набираться команды добровольцев. Особый упор, конечно, делался на крепкую спайку между «инь» и «янь», которая должна была способствовать деторождению. Естественно, делалась ставка и на дружный коллектив в целом; дети – дело хорошее, заявка, так сказать, на космическое будущее человечества, но ведь надо и другими делами заниматься.

Натали была родом из Старого света, области, когда-то называвшейся Францией. Алекс происходил и Среднесибирской популяции народов. Когда после раздельного тестирования их наконец сочли нужным представить друг другу, оба были разочарованы. Русский крепыш Алекс предпочитал по жизни ярких брюнеток, да и белокурая, внешне застенчивая Натали мечтала о слиянии, возможно даже и духовном, с высоким, гибким и смуглым представителем Объединённого Востока.

В общем, поговорили и разошлись по своим отсекам. Однако расчёт на взаимодействие родственных флюидов оказался в данном случае настолько верным, что уже этой ночью парочка была застукана под кустом в общественном парке без каких-либо атрибутов благоразумия. Сначала их даже хотели вычеркнуть из списка – всё-таки отношения в ходе проекта должны выковываться постепенно и на разумных началах, дабы смогли они набрать необходимый запас прочности, позволяющий пережить и горе, и радость, но потом учёный совет всё-таки утвердил их кандидатуры. Как высказался председатель консилиума: «Быть может, эти половинки всем половинкам половинки». Чётко сказал, не разбрасываясь словами, что называется – в корень.

И вот прошло полгода, а Алекс всё ещё продолжал целовать пальчики Натали. Остальных женщин это уже просто бесило. Белла и Рита медленно сходили с ума от крепких, но до тошноты обыденных объятий с подобранными для них самцами, которые пока свято хранили верность избранницам (хвала компьютеру!) и, медленно сатанея, не поддавались на их перекрёстные провокации. «Добро» на зачатие потомства от Центра космических колоний всё откладывалось, и это лишь усугубляло ситуацию. От безысходности женщины уже начали всю флиртовать друг с другом. Ежедневные кривые психологической совместимости показывали допустимые отклонения от нормы, но на эту чепуху четвёрка колонистов давно уже не обращала внимания, особенно, если учесть, что у оставшихся двоих – до неприличия счастливых – наблюдался, судя по мельтешению этих самых кривых, глубокий личностный кризис.

Две женщины ушли в искусственный закат, медленно просачивающийся сквозь Купол. Да-да – именно так, медленно. Там, за полусферой, буйствовали чужие краски, образуя какой-то немыслимый спектр, который вообще невозможно было созерцать, а вот под Куполом происходило преображение всей этой дикости: заретушированные лужицы чего-то вполне приемлемого почти ласкали взгляд, игривые фонтанчики поднимали настроение, перевязь цветов дразнила чувства.

Макс, отведя взгляд от фигурки Беллы, изящной даже в мешковатом комбинезоне, налил себе слабоалкогольного пойла, скривился и в одиночку выпил. Заел чем-то безвкусным, сплюнул. Несколько минут созерцал закат, потом вздохнул.

– Эти переливы под Куполом всегда будят во мне несмысленного мальчишку... Понимаете, нет? Дремучая ностальгия по маминим рукам, защищённости и лёгким-лёгким снам...

Его молоджавое, с толстыми губами лицо растеклось в каком-то неприличном забытье.

Эд тоже плеснул себе местной бормотухи. Высокий, мосластый. Выпил, помотал головой.

– А мне представляется в такие минуты другое. Как будто я старик, седина и всё такое, сижу перед камином в кресле-качалке, и в руках у меня... Что бы вы думали? Да-да – книга! Когда-то я интересовался глубокой древностью, временами Гомера, Овидия, Платона... Мне всегда было интересно, смогу ли я понять то, о чём они писали?

Алекс взял веточку чего-то немного душистого, поиграл ею на губах Натали, пощекотал ноздри, и, когда она недовольно сморщила носик, подул ей на лицо, от чего она, конечно же, чихнула. И сразу засмеялась.

Счастливо засмеялся и Алекс:

– А мы хотим всегда оставаться такими, какие мы есть. Да, Ташка?

– Как ты меня опять назвал? – женщина вскинула пушистые брови. – Что опять за беспардонное обращение с моим именем, Алекс? Я ведь не называю тебя...м-м-м... как это там на вашем ужасном русском? Ёшкой, к примеру.

– Ташка! – восторженно заорал Алекс. – Отныне я буду для тебя только Ёшкой! Слышишь? Ёшкой!!

Он прижал её к себе, поднял, завертел, зацеловал – в шею, глаза, уши... Женщина визжала и отбивалась:

– Прекрати сейчас же, ты, Ёшка несчастный! Это говорю тебе я, Натали де Гийон!

– Нет! – продолжал ликовать Алекс. – Моя Ташка хочет, чтобы Ёшка закружил её до маленьких чертенят в её зелёных глазищах! Чтобы она растеряла все веснушки со своего аристократического носика!

Колонисты общались между собой на традиционном универсальном языке, и лишь некоторые из них иногда обучали друг друга своему родному наречию. Натали делала это в силу гордости за свой род, а Алексу, кроме того, что общепринятый диалог казался ему ужасной кислятиной, безумно нравилось наблюдать, как она мучается, ломая язычок и коверкая русские слова. Остальные, кажется, вообще не вспоминали о своих корнях.

Держась за руки, подошли Белла и Рита. Алекс отпустил Натали, расшаркался перед дамами, щурившимися глаза, и дёрнул за рукав Макса:

– Эй, большой ребёнок, пойдём, помогу тебе с парниками, а заодно и с фермой! Я добрый, добрый!

Полгода пролетело, как они оказались здесь, под Куполом, считая дни и месяца до прибытия звездолёта, который заберёт желающих покинуть колонию. Никто, конечно, не признавался вслух, что может войти в число дезертиров. Но каждый допускал для себя такую возможность; никто не знал, что ответит, когда ему зададут вопрос: «Остаётесь или летите?» Даже влюблённые избегали этой темы, хотя, конечно, давно договорились не иметь друг от друга никаких секретов.

С пропитанием ситуация за это время сложилось не так уж и плохо, а вернее сказать, и вовсе хорошо: в ультрасовременных парниках лихо вызревало всё, что туда сажалось, причём в рекордные сроки. На ферме плодились разноцветные кролики, курицы несли синие яйца, свинки, правда, использовались только в научных целях. С месяц назад было освоено виноделие. Вращенная на планете пища усваивалась без особых эксцессов для организма землян, не считая, конечно, некоторых мелких недоразумений, как-то: округление форм без набора веса (весьма, впрочем, недурственное округление для женщин и немного досадное для мужчин, особенно для Макса), престранные сны (о которых никто ничего не мог поведать более конкретного), невозможность расчёта, даже приблизительно, времени, надобного для отправления естественных потребностей, ну и, пожалуй, самое главное: обоняние и вкус, похоже, уступали место другому быстро прогрессирующему ощущению – законченности энергообмена. Попраный чувства неоднократно поднимали бунт, для подавления которого у колонистов, однако, имелась в строго отведённом количестве доставленная с Земли снедь.

Что же касается размножения, то всем пока приходилось предохраняться. Белла и Рита были не прочь уже для разнообразия забеременеть от своих опостылевших половинок, но Центр, где обрабатывалась вся информация о житье-бытье колонистов, всё медлил с разрешением и, по всей видимости собирался выдать его не раньше, чем через год. И хотя приплод поселенцев, разбросанных по планетам, без каких-либо умопомрачительных эксцессов за последние пять лет вырос почти в три раза, Купол стараниями многочисленных скептиков продолжал подвергаться усиленному изучению.

А вот думать о себе, сколько душе угодно, никто не запрещал. Об оставленной Земле. О любви и одиночестве. О странных снах, оставляющих тлеющий след в сознании. О том, наконец, кто ты такой и зачем ты здесь.

Глава 2

... С парниками управились за час: проверили датчики, взяли заборы грунта для лаборатории, закрыли люки – делов-то. Однако, вспотели: четыре сооружения в виде полусфер, покрытых чудо-полимерами, были пятьдесят метров в диаметре и высотой под два метра. Ферма значилась одна, но там возились подольше. Подопытные морские свинки, все мужского пола ущемлённые в своём достоинстве кастраты, склонные на этой планете в силу каких-то загадочных причин к коллективизму, сообща выломали-таки перегородку и наведались в гости к кроликам, сожрав при этом весь чужой корм и вдобавок затеяв драку, наподдав кое-кому по ушам и получив в ответ по наглым мордасам. Процесс растаскивания забияк занял немало времени ввиду шустрости и тех, и других, а ведь надо было ещё починить перегородку и наполнить автоматические поилки-кормилки. Куры возбуждённо суетились в своём загоне, сердито квохча, и всё норовили побольнее цапнуть подельников за руки, пока те собирали яйца. Один самец, отчаянно маша куцыми крылышками, даже поднялся в воздух и нацелился было на потное лицо Макса, но, как говорится, успеха не снискал и жёстко приземлился обратно на синтетический пол под действием силы тяжести, резко возросшей от увесистого шлепка ладони по загривку. Куры были особой породы, нервные и драчливые, наверняка тоже втихаря мечтающие сцепиться с соседями при удобном случае. Яйца у них, с синей податливой скорлупой и пепельно-бурым наполнением, были богаты минералами, и на вкус, по общему мнению колонистов, ощущались тоже, как минералы. Птенцы из таких яиц не вылуплялись, хотя некоторые отсталые наседки всё ещё упорствовали в своём желании прилежно их высидывать, пока петухи, как им и положено, сшибались грудью и топтали задорных продвинутых молодух. Кур иногда употребляли в пищу, численность их регулировалась благодаря отсеку, где взращивались цыплята из пробирки, там же воспроизводились и свинки. Ну, а кролики были как кролики – ничего, в общем-то, особенного: жрали всё подряд и производили на инопланетный свет почти себе подобных (расцветка только у каждого кроля и крольчихи из нового потомства была пугающе разнообразной в своей пестроте). Мясо у потомства, как уже упоминалось, было оранжевым.

Усопших животных (а за полгода таких набралось шестеро: затосковавшие вдруг разом две свинки, три обожравшихся кроля да задолбанный в драке петух) замораживали для отправки на Землю.

– Шабаш... – выдохнул наконец Алекс. – Полоротый ты всё-таки, Максик. Зачем спорил, если знал, что проиграешь? Мучился бы сейчас один ещё бог знает сколько... Белла, ты уж извини за прямоту, помогать бы тебе не стала.

Макс уныло кивнул.

– Да, – выдохнул и он, но не с облегчением, а с неким надрывом, внутренним проколом. – Скоро ей совсем до меня не будет дела. Даже если нам разрешат иметь детей... Вернее, ей. – Он грустно улыбнулся. – Сделаю своё дело – и свободен. Она будет сумасшедшей мамашей, и близко меня к ребёнку не подпустит.

– Э-э-э... – с натугой зачревовещал Алекс. – Да не хандри ты заранее. Материнство меняет женщину, причём в лучшую сторону.

– Даже если и так, то я снова окажусь ни при чём, – продолжал печалиться Макс. – Я-то останусь прежним. И участие в деторождении мне никак не зачтётся.

Алексу не стал больше выуживать из себя слова утешения. Чего доброго, кто-нибудь другой потом вернёт их ему. Нет уж, сейчас он пойдёт к Ташке, а этот страдалец будет нести вахту. Так безопасней для всех. Вдруг его состояние заразно? Эд, вон, кажется, тоже уже в стадии заболевания...

– Спокойного дежурства, – кивнул он на прощание Макс. – И да не потревожит тебя Купол.

Макс отвернулся, как показалось Алексу, слишком демонстративно.

Вахту обычно несли по очереди: Земля требовала круглосуточного наблюдения за Куполом и жёстко держала этот вопрос на контроле, периодически посылая сигналы-пилоты для обработки и отправки их назад со всё новыми и новыми данными, так что по ночам, вернее сказать, во время, полагаемое на сон, частенько приходилось корпеть (ночей в земном понимании здесь не было, а были день и для разнообразия некое подобие вечера). Впрочем, это давно уже стало рутиной: регулярное обследование участков Купола, статистика, отчёты, отчёты... При подготовке на Земле любая мелочь в исследованиях казалась такой значимой, мелочам этим уделялось столько времени, что и теперь по истечении полугода все делали вид, что также серьёзно относятся к своим бдениям, как и в первые дни, хотя энтузиазма у каждого значительно поубавилась. Да и как тому было не убавиться, если из ночи в ночь ничего не происходило? Только один раз переполох устроил, конечно же, Макс, вытащивший всех из запрограммированных на лечебный сон супружеских релаксационных камер и заявивший, что Купол сжимается. Все ту же принялись вращать глазами и забыли даже, как моргать, пока наконец, минут через десять, Белла не осведомилась у своей половинки, не переел ли тот, часом, синих яиц. Макс с пеной у рта клялся и божился, что, когда он, о чём-то задумавшись, щурился на Купол, тот вдруг как бы надвинулся на него, причём со всех сторон разом, так что Макс даже непроизвольно вжал голову в плечи, ну, а потом он, естественно, кинулся будить мирно спящих колонистов. В течении нескольких недель после этого дежурство несли по двое, но всё впустую, по версии большинства, очевидно потому, что глюки ловят поодиночке. Макс.у было велено меньше пялиться в одну точку и думать о еде, видения у того больше не повторялись, так что в конце концов даже Алекс, всегда испытывавший к Макс.у симпатию, стал относиться к произошедшему только лишь как к забавному недоразумению. А сам Макс... Потух он как-то после этого, что ли, чаще стал уходить в себя.

На пути к своему жилому блоку (или, попросту, квартире) Алекс встретил Беллу и Риту, у последней на голове красовался веноч, сплетённый из цветков местной флоры диковатой расцветки, прямо как у нарождающихся кролей: буро-красной, грязно-жёлтой, фиолетово-чёрной – ну, и так далее. Чистого колера не наблюдалось. Дамы испытующе уставились на потенциального (увы! и только) кавалера.

– Нравится? – томно осведомилась Рита.

– Что нравится? – замедлил шаг Алекс, в намерения которого никак не входило вступать в беседу с ищущими развлечений женщинами. – А, веноч... Ничего так, да. Серо-буро-малиново.

– Ну и чёрт с тобой...

Рита вспыхнула карими глазами на бледном лице (немного, на вкус Алекса, суховатом, да и нос горбинкой), встряхнула чёрной роскошной гривой и, не таясь, властно притянула к себе подругу и впиалась в её малиновые припухлости, начала зарывать ладонь в каштан волос, другая скользнула вниз... Алекс несколько секунд взирал на обнявшихся женщин, затем, как щенок, помотал головой и споро зашагал прочь. Увиденное – страстность Риты, покорность Беллы – чрезвычайно его возбудило, и он почти уже побежал к своей Ташке: забыть, забыться...

– Что с тобой? – слабо отбивалась от его натиска Натали, дурея с каждым поцелуем: в шею, грудь, руки... – Ритку с Белкой, что ли, застукал?

Она произнесла это по-русски. Алекс прекратил домогательства.

– Ведьма, – не нашёл он другого слова. Хотел было отстраниться от морока, но Натали не позволила.

– Ну и что? – дрожа, хрипло произнесла она, кося глазами. – Ты не знал? Так знай теперь. И пусть другие занимаются, чем хотят, а ты – не смей? Слышишь? Занимайся только мной. А то проклянущу.

Он впился в её податливые губы, начал их кусать, забормотал: «Дразнишь меня, да, дразнишь?», – потом уже почти в беспамятстве повалил женщину на ложе, сорвал комбинезоны, навалился, прижал к себе, вошёл и не отпускал, пока оба тела наконец не содрогнулись и не запросили пощады...

Алекс лежал на спине, не касаясь Натали, и пытался сморгнуть разноцветные всполохи перед глазами, но они только глубже забирались под веки, в мозг.

– Прости, – не поворачивая головы, выдохнул он. – Нашло что-то.

Рот у Натали скривился, но она не заплакала.

– А ведь мы под Куполом, – слова были произнесены сквозь спазмы, толчками. – Он нас оберегает. Должен оберегать. А мы мучаем друг друга. Зачем тогда это всё?

– Не знаю, – сумрачно ответил Алекс. И повторил:

– Не знаю.

Глава 3

...К концу XXIII века не стало на планете Земля таких стран и государств, как Великобритания, Италия, Нидерланды, Португалия, Япония, Австралия... Людей там заменили рыбы. Африка, Индостан и Китай сжались более, чем на половину. Южная Америка перебралась в леса. Йеллоустонская катастрофа сделала совершенно непригодной для жизни Северную и Центральную Америку. Арктика покрылась трещинами; нельзя было проехать и нескольких километров, чтобы не угодить в какую-нибудь полынью. Антарктида вздыбилась гигантскими торосами.

Самую большую территорию, выстояв в трёх глобальных войнах, сохранила Россия. Выстояла, обескровленная, чтобы затем опухнуть от притока американцев, европейцев, азиатов... Сначала они пытались вести себя, как неблагодарные дети, но Россия, протрезвев, оказалась хорошей мачехой, хотя и себе на уме. В конце концов за две сотни лет на русской земле выпестовалось новое племя людей, научившихся с благодарностью на одном языке произносить слово «Родина».

В сибирской тайге, в отрогах гор, на влажном приволье лесотундры отстроились Нью-Йорк, Лондон, Рим, Лиссабон, Амстердам, Токио, Рио-де-Жанейро, Мумбай... А вот Алекс родился в Барнауле и, конечно, не променял бы его ни на какой другой всё ещё пыжившийся былым именем и величием город. Там он мальцом, не взирая на строгие запреты матери, с горящими глазами внимал рассказам героического подвыпившего деда, ходившему «стенка-на-стенку» против «двунадесятиязыков». Там он впервые влюбился – в негрityнку-оторвашку, и даже собирался на ней жениться. Там он по примеру отца захотел стать биологом. И стал, кстати.

И надо же, именно рядом с Барнаулом, когда юноше было чуть за двадцать, в один зимний вечер было зарегистрировано непонятное свечение, расписавшее шальными красками округу на целую неделю. Стянутые силы поддержания порядка даже близко не смогли приблизиться к центру свечения ввиду какого-то странного искривления пространства вокруг него, и только, когда оно, как будто удовлетворившись произведённым эффектом, погасло само, добрались наконец до объекта переполоха. Объект представлял собой шар иссиня-чёрного цвета, диаметром в восемь метров. Никаких окон и дверей на шаре не наблюдалось. Сканирование ничего не дало – вообще ничего. Взять пробы вещества, из которого был изготовлен шар, оказалось делом неблагоприятным. На сигналы геометрическая фигура не реагировала и с места не двигалась ни под каким воздействием. А потом... потом шара не стало. Его оболочка как будто растворилась за какое-то мгновение, причём ни одно из многочисленных средств слежения это мгновение не зафиксировало.

На месте шара остался небольшой клубок, источавший из себя немыслимую цветовую гамму тонов и полутонов, чуждую землянам. Вскоре выяснилось, что клубок, отчасти, кстати, по внешнему виду схожий с человеческим мозгом, буквально напичкан прелюбопытнейшими сведениями, которые свободно проецировались как в черепную коробку, причём на значительное расстояние, так и на любой известный носитель информации. Первыми обладателями бесценных знаний стали представители различных околonaучных структур, быстро, однако, возопившие о помощи, после чего их сменили учёные. В тайне, конечно, всё это сохранить уже не было никакой возможности, как бы некоторым и не хотелось, и поэтому проект «Купол» с самого начала стал достоянием всех землян и разрабатывался в обстановке максимальной прозрачности.

А суть этого проекта заключалась в осуществлении давней мечты самых продвинутых умов человечества – в переселении на другие планеты, за пределы Солнечной системы, благо теперь в мозгах, а потом и в руках землян оказались все средства для достижения этой цели.

Надо сказать, произошло это очень своевременно – через какие-то пятьдесят лет планету снова ожидал демографический кризис, а, значит, и новые войны, грозившие полным концом нынешней цивилизации. А тут – нате вам: и расчёт критических временных точек, позволяющий реализовать идею нуль-пространства, и подробные схемы звездолётов, которые можно было построить из имеющихся в наличии у землян материалов, и координаты всех пригодных для обитания планет, и... Много ещё чего. И конечно, сам Купол.

Дело в том, что через какое-то время, как и было обозначено в инструкциях, клубок вдруг перестал светиться и начал выделять из себя в строгих количествах вещество, не подлежащее никакому анализу, которое порционно собиралось специально обученными людьми и консервировалось до поры до времени. Именно из этого вещества и начал создаваться в дальнейшем защитный слой, призванный ограждать людей от негативного влияния самых различных факторов на других планетах, то есть, попросту говоря, позволяющий людям выжить и даже остаться людьми в далёком Космосе. Порций получилось несколько тысяч; обещано было, что это только начало.

Конечно, мнения разошлись: некоторые во всём этом видели «руку Бога», другие – начало инопланетного вторжения, и плюс ещё с десятков гипотез. Но долго надсаживать глотки время не было, и начался Эксперимент.

В тонкости построения всяких там звездолётов и принципов их действия вдаваться не будем (это же ужас – Ужас! – хорошо ещё, что вовремя родился на Земле новый Эйнштейн по фамилии Колпаков (совпадение?закономерность?заговор?), который всё это, собственно говоря, обосновал, ну и провернул). Нас, конечно, в первую очередь интересует Купол и всё, что с ним непосредственно связано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.